

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В РУССКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКЕ СЕРЕДИНЫ XIX в.: Ф. И. БУСЛАЕВ, И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ

Статья посвящена приемам и процедурам сравнительно-исторического метода в трудах русских компаративистов Ф. И. Буслаева и И. И. Срезневского (в контексте сравнительно-исторического языкознания 20-х — 60-х гг. XIX в.). Автор рассматривает лингвистический метод как сложную единицу, в пределах которой могут быть выделены онтологический, телеологический и операциональный компоненты. Последний включает в себя такие приемы и процедуры, как генетическое отождествление фактов, лингвистическая реконструкция, хронологизация и локализация языковых явлений и их системно связанных совокупностей.

Ключевые слова: *сравнительно-исторический метод, операциональный компонент, генетическое отождествление фактов, лингвистическая реконструкция, хронологизация, локализация.*

Стаття присвячена прийомам і процедурам порівняльно-історичного методу в працях російських компаративістів Ф. І. Буслаєва та І. І. Срезневського (в контексті порівняльно-історичного мовознавства 20-х — 60-х рр. XIX ст.). Автор розглядає лінгвістичний метод як складну одиницю, в межах якої можуть бути виділені онтологічний, телеологічний і операціональний компоненти. Останній включає в себе такі прийоми і процедури, як генетичне ототожнення фактів, лінгвістична реконструкція, хронологізація і локалізація мовних явищ та їх системно пов'язаних сукупностей.

Ключові слова: *порівняльно-історичний метод, операціональний компонент, генетичне ототожнення фактів, лінгвістична реконструкція, хронологізація, локалізація.*

The article is devoted to the methods and procedures of the comparative-historical method in the works of Russian comparatists F. Buslaev and I. Sreznevsky (in the context of comparative linguistics of the 20th — 60th of the 19-th century).

The author examines the linguistic method as a complex unit, within the ontological, teleological and operational components can be distinguished. The latter includes such methods and procedures as genetic identification of facts, linguistic reconstruction, chronicling and localization of linguistic phenomena and their associated systemic constellations.

Key words: *comparative-historical method, the operational component, the genetic identification of facts, linguistic reconstruction, chronicling localization.*

В данной статье предпринята попытка дать максимально полную характеристику операционального компонента сравнительно-исторического метода в трудах крупнейших русских компаративистов середины XIX в. — Ф. И. Буслаева (1818–1897) и И. И. Срезневского (1812–1880).

Постановка проблемы. Операциональному компоненту лингвистических методов, в том числе сравнительно-исторического, уделяется недостаточно внимания. Это приводит к неполной, обедненной характеристике сравнительно-исторического метода и компаративистики в целом. Таким образом, обращение к операциональному компоненту сравнительно-исторического метода в лингвоисториографическом аспекте (с концентрацией внимания на трудах выдающихся русских языковедов середины XIX в.) представляется чрезвычайно актуальным.

Анализ последних достижений и публикаций. В статье В. А. Глушенко и В. Н. Овчаренко “Сравнительно-исторический метод в трудах Ф. И. Буслаева” [1] идет речь также главным образом об онтологическом компоненте. При этом исследователи не ставили перед собой цель столь же подробно осветить особенности операционального компонента этого метода. Существующий “пробел”, надеемся, будет заполнен в данной публикации.

Целью предлагаемой статьи является раскрытие специфики операционального компонента сравнительно-исторического метода в трудах Буслаева и Срезневского, всесторонняя характеристика приемов и процедур этого метода. Для осуществления такого анализа необходимо обратиться к современным представлениям о сравнительно-историческом методе.

Эта цель конкретизируется в таких **задачах**: 1) раскрыть структуру операционального компонента сравнительно-исторического метода; 2) дать всестороннюю характеристику приемов и процедур этого ме-

тода в работах Буслаева и Срезневского (в контексте русской компаративистики 20-х — 60-х гг. XIX в.).

Изложение основного материала исследования. Термин *метод* употребляется лингвистами в различных значениях. Чаще всего его трактуют в узком смысле, как совокупность приемов, используемых в исследовании языка [2: 232]. Однако такая интерпретация не в полной мере соответствует значению слова *метод* как определенного способа подхода к действительности [3: 89], обедняет понятие лингвистического метода. Перспективной представляется широкая трактовка метода как сложной логической единицы гетерогенного характера [4: 258].

Наиболее расчлененные представления и средства для адекватного описания лингвистического метода выработаны в рамках понимания метода как сложной единицы, включающей в себя три разнородных компонента: онтологический, операциональный и телеологический [5: 24; 6: 17]. Комплекс научных приемов и процедур и методика их применения представляет собой лишь один из компонентов метода — операциональный. Правомерность включения в структуру метода телеологического компонента обусловлена тем, что любой метод неразрывно связан с целью исследования [7: 17].

Лингвистика XIX–XX вв. позволяет представить сравнительно-исторический метод как важнейший инструмент познания языковой истории, который имеет, во-первых, определенные особенности и, во-вторых, определенные границы применения [8: 6].

Отметим, что, анализируя труды представителей компаративистики XIX в. — начала XX в., специалисты в области лингвистической историографии выделяют следующие периоды развития сравнительно-исторического языкознания: первый (20-е — 60-е гг. XIX в.) и второй (70-е гг. XIX в. — 30-е гг. XX в.) [9; 5: 5].

К числу первых компаративистов в России принадлежат Буслаев и Срезневский, развивавшие идеи основоположников сравнительно-исторического метода.

Буслаев и Срезневский обосновывали тесную взаимосвязь исторического и сравнительного исследования языка [10: 192–193; 11: 95]. Однако для их трудов, как и вообще для лингвистических работ 20-х — 60-х гг. XIX в., характерно отсутствие синтеза исторического и сравнительного изучения языков [12: 163–199].

Изучение работ Буслаева и Срезневского позволяет сделать вывод, что в плане применения приемов и процедур сравнительно-исторического метода для них было характерно преобладание приема **генетического отождествления фактов** над процедурой лингвистической реконструкции [6: 25]. Именно в этом приеме становление сравнительно-исторического метода осуществлялось в первую очередь и к тому же наиболее полно и последовательно. Срезневский ставил перед лингвистами задачу “отличать древние формы от новых”, для чего необходимо “не опускать из виду общего хода изменения языка, понимать ход изменений других родственных языков и наречий” и с помощью “методы сравнительной” изучать в памятниках “отрывочные остатки древности” [13: 34].

Компаративисты 20-х — 60-х гг. XIX в. понимали отождествленные звуки как продукт ряда эпох; они отождествляли факты разной хронологии, отраженные в современных языках и в древних письменных памятниках. Классическим примером является открытие Востоковым носовых гласных в праславянском языке. Оно стало возможным благодаря сравнению кириллических юсов с носовыми гласными звуками современного польского языка: старославянским *z@áú* “зуб”, *ð@êà* “рука”, *êë#dâà* “клятва”, *ĩ#dù* “пять” соответствуют польские *z@b*, *rêka*, *kl@twa*, *piêć* [14: 8–9]. Генетическое отождествление одной и той же морфемы, а отсюда и всех звуков в ней в старославянском и современном польском языках обеспечило расшифровку фонетического значения юсов. Однако качественные характеристики (артикуляционные признаки) праславянских носовых гласных и пути возникновения этих звуков для лингвистов первого периода, в том числе для Буслаева и Срезневского, остались во многом невыясненными (см. ниже).

В использовании приема генетического отождествления фактов в это время проявилась и определенная ограниченность исторического подхода к языковым явлениям. Так, если Востоков близко подошел к пониманию артикуляционных особенностей [ъ] и [ь], которые он называл “полугласными” [15: 7–10] (к такому выводу о качестве праславянских редуцированных ученый пришел в результате сравнения рефлексов [ъ] и [ь] в современных ему славянских языках), то Г. П. Павский интерпретировал редуцированные (в терминологии языкознания 20-х — 60-х гг. XIX в. — “глухие”) как “придыхания”

[16: 39–42], что не находит подтверждения ни в истории славянских языков, ни в их современном состоянии. Украинский же филолог М. А. Максимович рассматривал редуцированные [ъ] и [ь] как специфическую старославянскую особенность, не присущую другим древним славянским языкам [17: 71, 76]; таким образом, исследователь отрицал праславянское происхождение редуцированных.

Как и Востоков, Буслаев видел в [ъ] и [ь] праславянское наследие [18: 53]. Так же интерпретировал редуцированные Срезневский [13: 29]. Буслаев применительно к ним иногда употреблял восточковский термин *полугласные* [18: 55, 56], но чаще он называл их *краткими гласными* [там же: 53, 54], отмечая, что [ъ] относится к “гласным твердым”, а [ь] — к “гласным мягким” [там же: 55]. Для Срезневского [ъ] и [ь] — краткие гласные, причем [ъ] употребляется в “словах твердых”, а [ь] — в “словах мягких” [13: 29].

Архетипы, реконструированные в трудах русских компаративистов первого периода, совпадают с рефлексами одного из дочерних языков. Так, наличие в части славянских языков взрывного, а в части — фрикативного звонкого заднеязычного согласного заставило Срезневского предположить, что “оба звука для славянского языка одинаково древни, так же как одинаково древни два подобных звука — *к* и *х*” [там же: 47]. На этой основе ученый доказывал такую же древность согласных [дж] и [ж] как результата палатализации [g] и [ɣ] [там же: 47–48].

Развитие языка, как считал Срезневский, является закономерным процессом; поэтому задача языкознания — раскрывать законы развития языков [там же: 17]. Возникло такое понимание фонетических законов, согласно которому звуковые изменения осуществляются в форме медленной эволюции. Так, согласно Срезневскому, восточнославянское полногласие “обнаружилось с решительной силой при начале отделения русского (православнославянского. — К. К.) языка от других наречий (древних славянских языков. — К. К.)”, но оно “не разом разошлось по всему составу языка” [там же: 30]. Отсюда тенденция к выделению этапов действия фонетических законов. Так, украинский языковед Я. Ф. Головацкий, сославшись на юго-западные письменные памятники украинского языка, в переходе [o] в [i] реконструировал промежуточный звук [y]: **конь** > **кунь** > **кiнь** [19: 31].

Вместе с тем звуковые изменения в трактовке историков языка нередко выступают как имеющие вневременной характер. Буслаев утверждал: законы, действовавшие в праславянском языке, сохранились в современных восточнославянских языках.

Так, ученый писал о том, что “гортанные звуки *г, к, х* по закону, господствующему в славянском языке, смягчаются в *з, ц, с* и потом в *ж, ч, ш*” [18: 26]. Что в интерпретации Буслаева обозначает термин *славянский язык*? Это, с одной стороны, славянская группа индоевропейской семьи языков (“славянский язык, по своим наречиям, делится на два отдела: юго-восточный и западный”, в состав которых входят церковнославянское, “новоболгарское”, сербское, “великорусское”, украинское, белорусское, чешское, словацкое, польское и другие “наречия”); с другой стороны, “разделение” славянского языка на наречия “относится к эпохе доисторической”, т. е. термин *славянский язык* используется для обозначения праязыка славян, иначе говоря, праславянского языка [там же: 22–23]. Из цитированного фрагмента неясно, в каком из этих двух значений применен термин *славянский язык*. Если Буслаев имел в виду славянскую группу индоевропейской семьи языков, то необходимо отметить, что для современных Буслаеву славянских языков законы первой, второй и третьей палатализаций заднеязычных (действовавшие в доисторическую эпоху, в праславянском языке) были (и остаются в настоящее время) историческими, а не позиционными. Если же исследователь писал о праславянском языке, почему он использовал причастие и спрягаемую форму глагола в настоящем времени (“по закону, **господствующему** в славянском языке, **смягчаются** в *з, ц, с* и потом в *ж, ч, ш*”, выделено нами. — К. К.)? Ответа на этот вопрос нет. Почему ученый говорил о том, что “гортанные звуки *г, к, х* ... смягчаются в *з, ц, с* и **потом** (выделено нами. — К. К.) в *ж, ч, ш*”? Что значит *потом*? Последовательность “смягчений”? Позднее лингвисты установили, что в праславянском языке [г], [к], [х] сначала изменились в [ж], [ч], [ш] (первая палатализация), а затем в [з], [ц], [с] (вторая и третья палатализации).

Реконструкция фонетических законов в ряде случаев имела ограниченный характер. Немотивированное определение направления фонетических изменений, первичных и вторичных архетипов представлено в реконструкции Буслаевым перехода носового гласного [ɛ]

в сочетании [ьн], [ьм] в правосточнославянском языке (**жьмоу** “жму”, **жьноу** “жну”). Буслаев считал, что сочетания [ьн], [ьм] в правосточнославянском языке возникли из носового гласного [e] [там же: 57, 66]. Более поздние исследования историков восточнославянских языков показали, что направление процесса было обратным.

Подобную интерпретацию давал и Срезневский. Сравнив древнерусские формы **дути** — **дъму**, **жати** — **жьну**, Срезневский реконструировал переходы [y] > [м], [а] > [н] [6: 29–30]. Позднее было установлено, что содержание и направление фонетических изменений было иным: сочетание [ьм] в **дъму** является исконным (оно не перешло в носовой гласный переднего ряда, т. к. находится в положении перед гласным); гласный [y] в **дути** восходит к носовому гласному переднего ряда, обозначавшемуся кириллическим юсом большим; таким же образом сочетание [ьн] в **жьну** исконно, а гласный [а] в **жати** восходит к носовому гласному переднего ряда (в кириллице обозначался юсом малым).

Недостаточная изученность ряда вопросов (связанная, на наш взгляд, как с нехваткой конкретного материала, так и с неразработанностью методики сравнительно-исторического изучения языков, находящейся в стадии становления) привела и к другим необоснованным интерпретациям Срезневского: возведению полногласных восточнославянских форм (норов, берег) к неполногласным старославянским, отождествлению h в млкo и в слдъ [там же: 30].

Безусловным достижением сравнительно-исторического языкознания первого периода стало стремление ученых определять временные границы возникновения и существования того или иного фонетического явления. Анализ работ русских историков языка свидетельствует, что **хронологизация** архетипов и фонетических законов в них имела, как правило, абсолютный характер. При этом следует учитывать, что ученые часто лишь указывали на первые фиксации тех или иных фонетических явлений и процессов в древних письменных памятниках, не освещая вопроса о времени их появления в самом языке (диалекте). Так, “смешение **въ** с **у**” отражено в южнорусских памятниках начиная с XI в. [20: 285]. В ряде случаев устанавливалась приблизительная хронология: переход [ě] > [e] осуществлялся в “древнем русском языке” до XIII в. [21: 46], а если уточнить эту дату — не позднее XII в. [там же: 115]; такие особенности “наречия

новгородского”, как “взаимозамена *ц* и *ч*”, утрата “твердости *г* и *к*”, переход [ě] > [i], возникли “ранее XII в.” [там же: 136]; изменение напряженного редуцированного [ы] в [о] в диалектах русского языка осуществлялось “по крайней мере с XIII — XI столетия” [13: 44].

Ограниченность принципа историзма в языкознании 20-х — 60-х гг. XIX в. проявилась, с одной стороны, в необоснованном “омолаживании” некоторых фонетических явлений, с другой стороны, в их чрезмерной архаизации. Так, говоря о дифтонгах в славянских языках, Срезневский отмечал: “Появление *двугласных* довольно давние; следы их есть в чешских памятниках XIII — XIV веков и в хорутанских (словенских. — К. К.) памятниках XV века. Теперь двугласные слышны уже во многих наречиях; в чешском есть *ou, eu*, в словацком *ou, yo, oi*, в лужицком *ie*, в хорутанском *ou, oa, yo, ye, ei*, в сербском *ije*” [13: 44]. Характер изложения материала в цитированном фрагменте свидетельствует о “нарастании” процесса дифтонгизации монофтонгов в истории славянских языков. Однако последующие исследования (XIX — XX вв.) показали, во-первых, что для реконструируемых гласных фонем важнейшими признаками применительно к славянским языкам являются ряд, подъем, лабиализованность и ее отсутствие, ротовой или носовой характер и долгота / краткость (монофтонгический / дифтонгический характер — это фонетический, но не фонологический признак); во-вторых, наряду с процессами дифтонгизации в истории славянских языков широкое распространение имели процессы монофтонгизации, характерные и для праславянского языка. С другой стороны, Максимович рассматривал восточнославянское полногласие как праславянскую и, более того, праиндоевропейскую по происхождению языковую особенность [17: 66–67, 82, 104].

Перспективы дальнейших исследований мы усматриваем в углубленном изучении приемов и процедур сравнительно-исторического метода в западноевропейском языкознании 20-х — 60-х гг. XIX в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глушенко В. А., Овчаренко В. Н. Сравнительно-исторический метод в трудах Ф. И. Буслаева // Східнослов'янська філологія : зб. наукових праць / Горлівський ін-т іноземн. мов; Донецький нац. ун-т. Редкол.: С. О. Кочетова та ін. — Вип. 24. Мовознавство. — Горлівка : Вид-во ГПМ ДВНЗ “ДДПУ”, 2013. — С. 255–267.

2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. энциклопедия, 1966. — 608 с.
3. Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. — 384 с.
4. Серебренников Б. А. О технике сравнительно-генетических исследований // *Общее языкознание: Методы лингвистических исследований* / Отв. ред. Б. А. Серебренников. — М.: Наука, 1973. — С. 34–106.
5. Постовалова В. И. Историческая фонология и ее основания: Опыт логико-методологического анализа. — М.: Наука, 1978. — 203 с.
6. Глушенко В. А. Принципи порівняльно-історичного дослідження в українському і російському мовознавстві (70-ті рр. XIX ст. — 20-ті рр. XX ст.) // *НАН України, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Відп. ред. О. Б. Ткаченко.* — Донецьк, 1998. — 222 с.
7. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. — М.: Наука, 1975. — 311 с.
8. Смирнов С. Н. Элементы философского содержания понятия “система” как ступени познания и общественной практики // *Системный анализ и научное знание* / Отв. ред. Д. П. Горский. — М.: Наука, 1978. — С. 60–83.
9. Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания. — М.: Наука, 1977. — 205 с.
10. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. — М.: Учпедгиз, 1959. — 623 с.
11. Срезневский И. И. История русского языка: Курс 1849–50 года. Составлял г. Чернышевский // Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. — М.: Учпедгиз, 1959. — С. 93–132.
12. Колесов В. В. К принципам периодизации истории русского языкознания // *Уч. зап. Тартуск. ун-та.* — 1983. — Вып. 649. — С. 122–136.
13. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. — М.: Учпедгиз, 1959. — С. 16–81.
14. [Востоков А. Х.] Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. — 12-е изд. — СПб., 1874. — XII, 216 с.
15. Виноградов В. А. Методы типологии // *Общее языкознание: Методы лингвистических исследований* / Отв. ред. Б. А. Серебренников. — М.: Наука, 1973. — С. 224–256.
16. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка: Первое рассуждение. О буквах и слогах. — 2-е изд. — СПб., 1850. — XXIII, 141 с.
17. Максимович М. А. Начатки русской филологии: Об отношении русской речи к западнославянской // Максимович М. А. Собр. соч. — К., 1880. — Т. 3. — С. 25–155.
18. Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. “Рус. яз. и лит.”. — М.: Просвещение, 1992. — С. 25–373.
19. Головацкий Я. Грамматика русского языка. — Львів, 1849. — 223 с.
20. Максимович М. А. Начатки русской филологии: Об отношении русской речи к западнославянской // Максимович М. А. Собр. соч. — К., 1880. — Т. 3. — С. 25–155.
21. Лавровский П. А. О языке северных русских летописей. — СПб., 1852. — 160 с.

22. Березин Ф. М. Русское языкознание конца XIX — начала XX в. / Отв. ред. Ф. П. Филин. — М.: Наука, 1976. — 366 с.
23. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. — М.: Наука, 1973. — 270 с.
24. Бодуэн де Куртэнэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — Т. 1. — 384 с.; Т. 2. — 391 с.
25. Вениг К. К вопросу о формировании научных теорий (на материале истории биологии) // Диалектика. Познание. Наука / Отв. ред. В. А. Лекторский, В. С. Тюхтин. — М.: Наука, 1988. — С. 88–94.
26. Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оногo письменным памятникам // Востоков А. Х. Филологические наблюдения / Издал, по поручению 2-го отделения Академии наук, И. Срезневский. — СПб., 1865. — С. 1–27.
27. Глушенко В. А. Историзм и возникновение компаративистики // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии: Научно-методич. сб. / Отв. ред. В. А. Глушенко. — Славянск: СГПУ, 2002. — Вып. X. Ч. 1. — С. 25–36.
28. Глушенко В. А. Лінгвістичний метод і його структура // Мовознавство. — 2010. — № 6. — С. 32–44.
29. Греч Н. И. Чтения о русском языке. — СПб., 1840. — Ч. 1. — VI, 336 с.; Ч. 2. — 404 с.
30. Журавлев В. К. Внутренняя реконструкция // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Теория лингвистической реконструкции. — М.: Наука, 1988. — С. 68–90.
31. Журавлев В. К. Наука о праславянском языке: эволюция идей, понятий и методов // Бирнбаум Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции / Общ. ред. В. А. Дыбо и В. К. Журавлева. — М.: Прогресс, 1987. — С. 453–493.
32. Катков М. Н. Об элементах и формах славяно-русского языка. — М., 1845. — II, 253, II с.
33. Климов Г. А. Методика лингвогенетических исследований (Введение) // Общее языкознание: Методы лингвистических исследований / Отв. ред. Б. А. Серебренников. — М.: Наука, 1973. — С. 9–33.
34. Климов Г. А. Основы лингвистической компаративистики / Отв. ред. Н. З. Гаджиева. — М.: Наука, 1990. — 168 с.
35. Колесов В. В. Становление идеи развития в русском языкознании первой половины XIX в. // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века / Отв. ред. А. В. Десницкая. — Л.: Наука, 1984. — С. 163–199.
36. Кубрякова Е. С., Мельников Г. П. О понятиях языковой системы и структуры языка // Общее языкознание: Внутренняя структура языка / Отв. ред. Б. А. Серебренников. — М.: Наука, 1972. — С. 8–91.
37. Лавровский П. А. Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительно с великорусским и другими славянскими наречиями // Журн. м-ва нар. просвещения. — 1859. — Ч. 102. — С. 225–266.
38. Максимович М. А. Новые письма к М. П. Погодину: О старобытности малорусского наречия // Максимович М. А. Собр. соч. — К., 1880. — Т. 3. — С. 273–311.
39. Надеждин Н. И. Великая Россия // Энциклопедический лексикон. — СПб., 1837. — С. 263–276.

40. Нерознак В. П. Сравнительно-исторический метод // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 485–486.
41. Подкорытов Г. А. О природе научного метода. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. — 224 с.
42. Серебренников Б. А. Проблема взаимоотношения общей методологии, лингвистической науки и частных методов лингвистического исследования // Общее языкознание: Методы лингвистических исследований / Отв. ред. Б. А. Серебренников. — М.: Наука, 1973. — С. 257–313.
43. Шлейхер А. Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков (Предисловие) // Звегинцев В. А. История языкознания XIX — XX веков в очерках и извлечениях. — 3-е изд. — М.: Просвещение, 1964. — Ч. 1. — С. 107–110.